

**В НОВОМ ВЫПУСКЕ О СВОИХ УЧИТЕЛЯХ РАССКАЗЫВАЮТ ВЕДУЩИЕ ПРОФЕССОРА ВЫШКИ —
ЕЛЕНА ВИШЛЕНКОВА И ИГОРЬ ДАНИЛЕВСКИЙ.**

**Елена Вишленкова, доктор исторических наук,
профессор кафедры социальной истории,
заместитель директора ИГИТИ ВШЭ**

В школе у меня не было сильных учителей истории. Это были совершенно обычные уроки, которые надо было просто отсидеть. Но меня с детства тянуло к историческим книгам, старинным открыткам, была страсть к коллекционированию. Я записывалась в кружок экскурсоводов при школьном музее, затем в археологический кружок при краеведческом музее, а в старших классах занималась на так называемом «малом истфаке» при Казанском университете, на который мечтала поступить. Там-то я и встретила человека, который стал для меня учителем, не только в профессии, но и в жизни. Его имя — Григорий Наумович Вульфсон. В мои студенческие годы ему было за шестьдесят. На факультете он выделялся ораторским искусством, яркими лекциями, необычной внешностью (с богатой бородой, в старинном пенсне, с бабочкой и тростью) и несколько эпатажной манерой поведения (в стилистике профессора XIX века). Это был историк, для которого профессия была стилем жизни. Позже я узнала, что он был коллекционером и экспертом по антиквариату. Вульфсон собирал вещи, которые были частью разночинного быта. А основу его коллекции составляли часы. В его квартире их были сотни — напольные, настольные, ручные, на цепочке, каминные, встроенные в канделябры или статуэтки. Он сам их чинил и знал историю создания и бытования каждого экземпляра.

К сожалению, мне больше не доводилось встречать историка, который бы имел столь ярко выраженные и разнообразные увлечения вне профессии и который бы так любил сильных и интересных людей, как Вульфсон. В его доме часто бывали художники, обсуждавшие с профессором свои картины, артисты, с любопытством слушавшие его рассказы по истории театра. Вместе с тем к нему часто приходил дворник, который так же, как и профессор, увлекался певчими птицами. Вдвоём они слушали пение кенара какой-то особой породы. В этом отношении Вульфсон был публичным историком, ориентированным на читателей, студентов, широкое просветительство.

После окончания университета я поступила в аспирантуру под его научное руководство и писала кандидатскую диссертацию по историографии церковного раскола. Большая часть моей работы была создана на архивных материалах Казанской духовной академии. В XIX веке она специализировалась на изучении старообрядчества. Кажется, в 1980-е годы мы первыми обратились к разработке этого уникального и хорошо сохранившегося архивного комплекса.

Он содержит не только делопроизводство, но и библиотеку с рукописями XVI–XVIII веков. В советские годы этот комплекс документов не был востребован исследователями и даже считался погибшим во время революции.

Мне повезло с руководителем ещё и в том отношении, что я вошла в круг его учеников в тот период, когда Вульфсон уже не вёл собственных исследовательских проектов (но возглавлял группу историков-энтузиастов, сделавших четырёхтомный словарь воспитанников Казанского университета за 200 лет его существования). Он хотел и мог тратить много времени на обучение нас исследовательскому мастерству. Мне кажется, что в людей и в их благодарную память он верил больше, чем в книги или административную деятельность. Я даже, смеясь, говорила, что свои лучшие труды он пишет не на бумаге, а в душах учеников. Думаю, что это был осознанный выбор человека, который очень хотел оставить о себе память на земле. Эту фразу учёные часто произносят, но редко объясняют.

Вульфсон был инвалидом Великой Отечественной войны: со второго курса ушёл на фронт добровольцем и в первом же артобстреле под Харьковом лишился ноги и получил осколок в шею. С девятнадцати лет он боролся за возможность жить полной жизнью, стремясь минимизировать свою инвалидность. Долгое время я даже не подозревала, что у него нет ноги.

Он скрывал, каким напряжением даются ему его активный образ жизни и академические успехи. Но это напряжение побуждало его чётко рассчитывать свои силы: он автоматически отделял суету от важного и не транжирил время попусту. К «нетленке» Вульфсон относил издание источников, энциклопедий и справочных словарей, научную реставрацию (он руководил воссозданием мемориальной зоны в Казанском университете), разработку концепций музеев и особенно — создание своей школы.

Его ученики не были разрозненными и пришедшими только на время к нему исследователями. Он делал из них семью, школу, сообщество и не жалел на это времени и сил. При таком выстраивании отношений «учитель — ученик» принципиальной была культурно-психологическая совместимость, обоюдное желание жить и действовать вместе. Поэтому Вульфсон тщательно и придирчиво выбирал кандидатов в аспирантуру из своих дипломников. А в качестве инаугурации приводил поступившего в свой дом. И это не образное выражение. Аспиранты и студенты, а также молодые коллеги действительно много времени проводили в его доме: были званы на праздники, дружили с его домочадцами, вместе ездили за город, ходили на выставки.

Всё это не было простым времяпрепровождением. Ученики рассказывали о своих замыслах, о прочитанном, увиденном,

а он учил их разбираться в искусстве (взяв в руки чашку, мог поведать историю завода Гарднера), учил слушать музыку, знакомил с художниками и антикварами и постоянно обсуждал методы исследования, побуждал зарываться то в филологические, то в искусствоведческие штудии, но ещё чаще в социологическую и философскую литературу.

Теперь, спустя годы, я понимаю, что его способ работы с учениками был эксклюзивным. Вряд ли можно такого требовать от научных руководителей. Мало кто из активных исследователей может позволить себе столько времени общаться с учениками. К тому же, я знаю примеры того, как сильный учёный вырос безо всякой школы и опеки. Дело не в том, что Вульфсон вырастил сильных учеников: среди них есть и очень сильные, и довольно средние историки. Но почти для всех них он стал совестью профессии. Некоторые из его воспитанников даже ушли из исторической профессии, считав, что не оправдают его надежд или не смогут жить в таком же пульсирующем ритме. Он не просто учил пользоваться исследовательскими инструментами, но передавал присущую ему романтику профессии, свою любовь и уважение к истории.

В исследовательских работах для него были одинаково существенны и глубина мысли, и эстетика текста. Невозможно было дать ему невычитанный, неряшливый текст, не рискуя нарваться на какой-нибудь саркастический и довольно жёсткий комментарий. Однажды при мне он сказал аспиранту: «Зачем Вы принесли мне своё грязное бельё?» Он был эстетом во всём. Ему было важно ощущение гармонии. Как-то он, смеясь, сказал, что самое большое искусство жизни — превратить свою страсть в источник дохода, то есть в профессию. Но первичным должен быть не доход, а удовольствие.

Как исследователь Вульфсон не был столь же успешен, как педагог. Все свои книги он посвятил разночинцам и истории их быта. В советское время эта тема была периферийной, а истории повседневности как научного направления и вовсе не существовало. Григорий Наумович выяснял цены на товары, реконструировал историю вещей, правила обращения с ними, уровень жизни учащихся и учащихся, географию их рекрутирования в университеты и духовные академии — все те сюжеты, которые впоследствии стали активно изучаться сторонниками новой социальной истории. Его книги и статьи написаны в расчёте на широкого читателя, тщательно литературно обработаны.

Однако изучать он мог что угодно и писать мог, как хотел, а вот чтобы опубликовать свои труды, провинциальный историк был вынужден называть их в угоду советскому мейнстриму (например, «Разночинно-демократическое движение в Поволжье и на Урале в годы первой революционной ситуации»). Спустя годы Вульфсон признался, что это название ему рекомендовала лично академик М. В. Нечкина. Проиgnорировать её мнение было невозможно. На своём неудачном опыте (книга не нашла своего читателя, исследователи повседневности практически не ссылаются на неё) он советовал ученикам тщательно продумывать название для статьи или книги, ориентируясь на желаемого читателя.

Он красиво старел — без занудства и злобности к молодым, делясь накопленной мудростью. До последнего дня жизни был восприимчивым к новому. Меня поразило то, что в возрасте восьмидесяти лет он приезжал специально в летние школы, организованные в Казани на средства фонда Сороса, послушать ведущих историков страны, обсудить с ними насущное. Ему было всё интересно.

Главное, чему меня научил Вульфсон, — это, во-первых, уважение к профессии. Теперь я вслед за ним могу сказать: я в эту профессию слишком много вложила, слишком многим пожертвовала, чтобы допустить неуважение к ней со стороны своих учеников: если хотите быстро и просто, то — не со мной. Второе — это эстетическое отношение к историческому тексту: он должен быть красивым, стройным и по возможности прозрачным, с продуманными идеями, архитектурной и без лишнего слов. Исследователь должен сам получить удовольствие от своего создания, потому что текст, который написан вымученно, так же и читается. И третье — это уважение к личности ученика. Есть преподаватели, которые воспринимают своих воспитанников как своего рода белый лист: с него надо стереть все прошлые записи и нанести новые письма. Мне интересна исходная культура моего ученика — с чем он пришёл, как он мыслит, как пишет. Я могу только корректировать: у одного растить крылья, в другом сеять сомнения. Но всё это строится на оригинальности моего младшего коллеги. Универсального пути в науке ведь нет, а в исторической науке суперважной является личность исследователя: историк познаёт прошлое на собственную глубину и мерит его события и явления собственным масштабом. Если эту личность раздавить в юном возрасте, то её тексты, возможно, будут правильные, но без прозрения и откровения — ученические. А хороший историк должен быть глубиной.

Это, наверное, и есть те уроки, которые я взяла у Вульфсона и теперь возвращаю своим ученикам.

Игорь Данилевский, доктор исторических наук, зав. кафедрой истории идей и методологии исторической науки

У меня так же, как и у всякого нормального человека, учителей было много. В научном плане первым моим учителем был Владимир Яковлевич Кияшко. Он был начальником археологической экспедиции, в которую я попал ещё будучи школьником. Человек по-житейски очень мудрый. Руководит группой из сорока человек, которые находятся у тебя на полном довольствии и за которых ты отвечаешь головой, довольно сложно. Надо, чтобы они и жили нормально, и работу выполняли, и чтобы не возникало конфликтных ситуаций с местным населением. Он это делал и делает до сих пор гениально.

Десять лет я занимался археологией, а на втором курсе университета меня стал уговаривать перейти к нему Александр Павлович Пронштейн. На историческом факультете Ростовского университета Александр Павлович был «звездой номер один». И для меня он остаётся главным учителем в академическом плане. Москвич, выпускник Московского университета, ученик академика М. Н. Тихомирова, соученик таких известных историков, как С. О. Шмидт, И. Д. Ковальченко, В. Л. Янин. Он окончил университет в 1941-м и ушёл на фронт. Прошёл всю войну. Вернулся в декабре 1945-го и был зачислен в аспирантуру. Написал диссертацию по Новгороду Великому XVI века, что само по себе было необычно. А накануне защиты произошло то, что часто происходило в то время: Александра Павловича вызвали в партком и «предложили» выступить на партийном собрании, на котором рассматривалось персональное дело его учителя М. Н. Тихомирова, обвинявшегося в непатриотизме. Это было время борьбы с «безродным космополитизмом» и «низкопоклонством перед Западом». Расчёт был стопроцентный: ученик-фронтвик, член партии, еврей и через неделю защищает диссертацию. Но Александр Павлович проявил редкое по тем временам гражданское мужество и выступил в поддержку Тихомирова. В результате такого «демарша» диссертацию ему пришлось защищать дважды, после чего аспиранту-целевику было предложено направление на работу в Тюмень или Воркуту — на выбор. В конце концов ему всё-таки удалось устроиться на работу в Харьковский университет, но это стоило ему больших мытарств и сильной нервозности — и испугало его на всю оставшуюся жизнь. А кого бы не испугало?

Из Харькова он попал в Ростовский университет, где фактически стал основоположником научной школы источниковедения, восходящей через Тихомирова к традициям дореволюционного российского источниковедения. Александру Павловичу удалось сохранить и развить эту традицию.

Он был потрясающей личностью, человеком, целиком поглощённым наукой. Он научил меня отстаивать свою точку зрения, не поддаваться внешнему давлению — и при этом очень беспокоился о том, чтобы это не повредило мне в политическом отношении. Когда в 1992 году, уже будучи в Москве, я написал свою первую статью по библейским параллелям в «Повести временных лет», Александр Павлович каждый день присылал мне письма, в которых просил никому её не показывать, ни с кем не обсуждать и, главное, не вздумать опубликовать. Позже при встрече он признался: «Вы меня простите, я полностью поддерживаю Вашу идею и являюсь её пропагандистом, но я тогда очень за Вас боялся». Страх остался. И это тоже урок...

Было ещё два университетских преподавателя, у которых я никогда ничего не писал, но у которых многому научился. Просто фантастические люди! Абсолютно разные, даже внешне. Один длинный, худой, с язвой желудка, курил постоянно — Юзеф Иосифович Серый. Такой рабоче-крестьянский профессор. Юзеф Иосифович занимался Ростовской стачкой 1902 года и Первой русской революцией. Он составил поимённые списки членов рабочих дружин, вёл картотеку: казалось, он задался целью знать в лицо каждого участника. И он нам объяснял, что революцию делали не люмпены, а квалифицированные рабочие, которые имели образование, приличную зарплату и свою позицию... Такое отступление от точки зрения официальной советской науки стоило ему больших проблем с защитой докторской диссертации.

А рядом с ним — совершенно другой человек. Внешне — Луи де Фюнес, в свитере... Михаил Абрамович Люксембург — специалист по истории Франции. Читал лекции по Новой истории стран Запада. Это были самые потрясающие лекции, которые я слышал. Если у Серого были строгие, точные, логически выстроенные лекции, объяснявшие, почему события развивались так, а не иначе, то Михаил Абрамович рассказывал нам просто-таки детективные романы. Он блестяще знал источники, очень хорошо писал. Он тоже прошёл войну, был тяжело ранен. Человек невероятной внутренней свободы. Фрондёр, много себе позволявший, по тем временам невероятно много. К нему на лекции приходили с проверкой: «Вы читаете лекции без конспекта? Это методически неправильно». Тогда он брал пачку каких-то листов и во время лекции периодически их перекладывал. «Теперь совсем другое дело», — говорили ему. А он смеялся... Он не раз помогал мне в трудных ситуациях. Говорил: «Имей в виду, на тебя настучали», так что готовься к неприятностям с этой и этой стороны». И давал чёткую инструкцию, что делать, как себя вести.

Среди моих неакадемических учителей — преподавательница изостудии в ростовском Доме пионеров Алла Степановна Софановская, ученица Николая Акимова, театрального режиссёра и художника-графика. Она не просто обучала нас рисунку и акварели — она учила нас понимать искусство. Алла Степановна невероятно любила живопись и прекрасно её знала. Она воспитала целую плеяду профессиональных художников.

Сценограф, лауреат премии «Золотая маска» Степан Зограбян — её ученик.

Был ещё один учитель, которого я помню смутно, но личность которого оказала на меня очень большое влияние. Я много слышал о нём от мамы, с которой они вместе учились и были очень дружны. Святослав Николаевич Фёдоров, знаменитый офтальмолог. Это человек, вся жизнь которого была каким-то недостижимым идеалом. Уже будучи инвалидом, потеряв ступню, он стал чемпионом Ростова по плаванию. Человек потрясающей физической силы. Его товарищ по общежитию рассказывал, что Фёдоров вставал в шесть утра и час делал гимнастику, которая завершалась тем, что он надевал калоши на руки и поднимался на руках на шестой этаж по лестнице. Став всемирно знаменитым, он как-то был в Японии, где ему приходилось делать по несколько операций в день. Во время интервью на японском телевидении ведущий спросил, как он выдерживает такие нагрузки. Святослав Николаевич в ответ взялся за крышку стола и сделал стойку на руках. Там все операторы побросали камеры и стоя ему аплодировали.

Это человек был очень неудобный. Его выжили из Ростова, он уехал в Чебоксары. Выжили из Чебоксар — уехал в Архангельск. Он потом «отомстил» всем этим городам — открыл там филиалы МНТК «Микрохирургия глаза». Он говорил: «Я человек вязкий: меня выгоняют в дверь, я войду в окно. Жизнь меня била, и кожа так загубела, что новые удары я уже не воспринимаю». Человек, у которого всегда были какие-то идеи, который всегда мыслил глобально. Он не был отличником, когда учился, но у него была своя цель, и он шёл к этой цели и добился всего, чего хотел. Не прибегая ни к каким обходным манёврам — просто делая своё дело.

Мне в жизни очень повезло. Я встречал людей, на которых можно было равняться. Сейчас у меня есть ученики, у которых я многому учусь. Мы, конечно, были совершенно другими. У нас было очень много увлечений, причём это были увлечения коллективные. В шестидесятые-семидесятые годы невероятной популярностью пользовались студенческие театры: их было иногда по несколько на факультете. Кстати, многие из ребят потом ушли в профессиональный театр: Гена Тростянецкий, Юра Попов. Нынешние студенты более пассивны в этом отношении и более индивидуалистичны. Они, может быть, чуть более циничны, чем мы. Хотя мы тоже были циниками: знали, что можно говорить одно, думать другое, а делать третье. Но у них и цинизм какой-то другой. У нынешних студентов чудовищные возможности, понимаете, чудовищные — тем более в Вышке. Они могут читать всё что угодно, поехать куда угодно, говорить что угодно. Они читают другие книжки. Я был потрясён, когда, задав на первой лекции свой традиционный вопрос — являются ли «Три мушкетёра» источником по истории Франции XVII века, услышал в ответ, что на курсе только два человека читали роман Дюма. Они читают другую литературу. А другая литература — это другой способ мышления. Другой, как сейчас говорят, бэкграунд, другой юмор. Они по-другому всё воспринимают. И я учусь у них этому новому восприятию жизни, потому что в целом они, наверное, более точно эту новую жизнь ухватывают.

А ещё я постоянно учусь у своих коллег, у всех... Понимаете, я не могу назвать даже десятой доли тех людей, которые меня чему-то научили. Но я им всем очень благодарен.